

ЭЛОИЗА ДЖЕЙМС

СЕСТРЫ ЭССЕКС

МНОГО ШУМА ИЗ-ЗА НЕВЕСТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д40

Серия «Бриджертоны и другие»

Eloisa James
MUCH ADO ABOUT YOU

Перевод с английского *Е. Елистратовой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Лазаревой*

Печатается с разрешения литературных агентств
Witherspoon Associates and Synopsis Literary Agency

Джеймс, Элоиза.

Д40 Много шума из-за невесты : [роман] / Элоиза Джеймс ; [перевод с английского Е. Елистратовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Бриджертоны и другие).

ISBN 978-5-17-183041-0

Наследство, которое досталось четырем сестрам Эссекс после смерти отца, — призовые скакуны. Неудивительно, что старшей сестре, Тесс, сделал предложение богатый и знатный, молодой и красивый граф, страстный любитель скачек.

Но когда в день свадьбы происходит катастрофа — граф не является на свадьбу, бросив Тесс у алтаря, — загадочный богач Лусиус Фелтон занимает место друга и становится мужем Тесс. Но только ли по долгу чести? Или он уже давно влюблен в девушку и замыслил за нее бороться?

Тесс оказывается связанной узами брака с человеком, чье сердце кажется ей запертым на семь замков. Сможет ли она разгадать его тайны и растопить лед его отчуждения?

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-183041-0

© Eloisa James, Inc., 2005
© Перевод. Е. Елистратова, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ГЛАВА 1

Сентябрь 1816

*Холбрук-Корт, резиденция герцога Холбрука
Окрестности Силчестера*

— Я рад сообщить, ваша светлость, что лошадки-качалки доставлены. Я поставил их в детской, где вы сможете их осмотреть. Детей, однако, пока что не видать.

Рейфел Джорден, герцог Холбрук, обернулся. Он был занят тем, что ворошил кочергой тлеющие угольки в камине в своем кабинете. Сдержанные нотки в голосе дворецкого свидетельствовали о его недовольстве. Или, точнее, тон голоса Бринкли выражал недовольство всей прислуги, находящейся в довольно преклонных годах, которая не пришла в восторг от той перспективы, что в доме теперь будут жить четверо маленьких детей — четыре девочки. Ну и черт с ним, решил Рейф. Можно подумать, он сам хотел, чтобы в доме поселился целый выводок девчонок.

— Лошадки-качалки? — послышался ленивый голос из глубокого кресла, стоящего справа от камина. — Прелестно, Рейф. Никогда не рано приучать малышей к верховой езде. — Гаррет Лангем, граф Мейн, отсалютовал собеседнику высоко поднятым бокалом. Его черные кудри были уложены с тщательно рассчитанной небрежностью, а комментарий вышел на грани оскорбления: по всему было заметно, что граф едва сдерживает ярость. Виной тому был не Рейф: Мейн кипел от злости уже несколько месяцев. — За папашу и его выводок малолетних наездниц, — добавил он, опрокидывая в себя содержимое бокала.

— Уймись! — сказал Рейф, впрочем, без особого раздражения. В данный момент Мейн был чертовски неприятным собеседником, с его ядовитыми замечаниями и приступами

черного юмора. Но, конечно, оставалась надежда, что дурное настроение, вызванное шоком от того, что его отвергла женщина, со временем пройдет.

— А почему лошадки, во множественном числе? — спросил Мейн. — Насколько мне помнится, в большинстве детских вполне обходятся одной.

Рейф осушил свой бокал с бренди.

— Я почти ничего не знаю о детях, — ответил он, — но отчетливо помню, как мы с братом дрались из-за игрушек. Вот и купил сразу четыре.

На минуту воцарилась тишина. Граф раздумывал, не высказать ли замечание, что Рейф просто тоскует по брату (вот уже пять лет, как тот умер), но отмел этот порыв. Какой прок мужчине от слезливых воспоминаний?

— Ты оказываешь честь этим сироткам, — вместо этого сказал он. — Другой опекун упрятал бы их подальше от своих глаз. Они ведь тебе даже не родня.

— Никаких кукол не хватит, чтобы возместить им потерю, — ответил Рейф, пожимая плечами. — Их отцу необходимо было как следует подумать о своих обязательствах, прежде чем садиться на лошадь.

Разговор приближался к опасной черте, грозя взрывом чувств, которых следовало избегать любой ценой. Мейн вскочил.

— Тогда пойдем взглянем на этих игрушечных лошадок. Я уже успел забыть, как они выглядят.

— Отлично, — сказал Рейф и с громким стуком поставил бокал на стол. — Бринкли, если дети приедут, отведите их наверх. Я приму их в детской.

Через несколько минут Гаррет и Рейф стояли в центре просторной комнаты на третьем этаже, причудливо расписанной фресками. На них сюжеты часто сменяли друг друга: Малышка Бо Пип гналась за Красной Шапочкой, которую, казалось, вот-вот раздавит шагающий во всю стену великан, чья занесенная нога нависла над пуховой периной, где под толстым одеялом пряталась огромная зеленая горошина. Детская выглядела, как магазин игрушек на Бонд-стрит. На скамейке чинно восседали четыре куклы с золотистыми во-

лосами. Четыре кукольных кровати громоздились одна поверх другой рядом с четырьмя кукольными столиками, на которых стояли четыре шкатулки с выскакивающими из них клоунами. И среди всего этого великолепия стояли четыре лошадки-качалки высотой по пояс взрослому мужчине, с гривами из настоящего конского волоса.

— Иисусе, — произнес Мейн.

Войдя в детскую, Рейф толкнул подножие одной из лошадок, отчего та пустилась взад-вперед, стуча по деревянному полу. Сбоку отворилась дверь, и оттуда выглянула дородная женщина в белом фартуке.

— Вот вы где, ваша светлость, — просияла она. — А мы ожидаем дитишек! А пока не хотите ли взглянуть на новых горничных?

— Пришлите их сюда, миссис Бесуик.

Вслед за ней в комнату вошли четыре юные горничные.

— Дейзи, Гриззи, Элси и Мэри, — перечислила миссис Бесуик. — Они из деревни, ваша светлость, и очень рады занять места в Холбрук-Корт. Мы с нетерпением ждем, когда же приедут наши ангелочки. — Улыбаясь и приседая, горничные выстроились в ряд по обе стороны от миссис Бесуик.

— Иисусе, — повторил Мейн. — Рейф, у них у каждой будет даже по собственной горничной?

— Почему нет? У нас с братом было три няньки на двоих.

— Три?

— Одна для меня и две для брата, раз уж он унаследовал герцогский титул в возрасте семи лет.

Мейн фыркнул.

— Абсурд. Когда ты в последний раз встречался с лордом Брайдоном, отцом своих подопечных?

— Не так уж давно, — сказал Рейф, хватая со стола шкатулку и нажимая на рычаг. Игрушка выскочила с громким звуком. — Дело решилось посредством его письма и моего ответа.

— И ты никогда не встречался со своими подопечными?

— Никогда. Я много лет не бывал по ту сторону границы, а Брайдон приезжал только ради скачек в Аскоте и иногда

в Ньюмаркете. По правде говоря, я думаю, что его интересовали только лошади: за все остальное он не дал бы и ломаного гроша. Он даже не нашел времени записать собственных детей в «Дебретт». Разумеется, вопросов о наследовании не возникло, так как у него четыре дочери. Поместье досталось какому-то дальнему родственнику.

— Какого черта... — Мейн бросил взгляд на пятерых женщин, стоящих у стены, и осекся.

— Он просил меня, — сказал Рейф, пожимая плечами. — Я особо не раздумывал. Разумеется, первым в очереди был Монктон, но он умер в прошлом году. И Брайдон просил меня занять его место. Кто бы мог подумать, что с Брайдоном приключится беда? Дурацкое происшествие — его сбросила лошадь. Хотя он и сам хорош. Надо же было вскочить на жеребца, которого толком не объездили.

— Никак не предполагал увидеть тебя в роли отца, — заметил Мейн.

— У меня не было повода сказать «нет». Я достаточно обеспечен, чтобы воспитать любое количество детей. Кроме того, Брайдон подарил мне Скворца в обмен на роль опекуна. Я сказал ему, что согласен, как только он мне написал, и обязательно было давать мне взятку. Но он прислал Скворца напрямую из Шотландии, а кто отказался бы поставить такую лошадь в свою конюшню?

— Скворец — потомок Звезды, не так ли?

Рейф кивнул.

— Брат Патчема. Почти все лошади в конюшне Брайдона — это потомки Патчема, и в настоящее время в Англии нет других лошадей, которые были бы его прямыми потомками. Надеюсь, в следующем году Скворец выиграет дерби, пусть он и происходит от Звезды, а не от самого Патчема.

— А что будет с потомством Патчема? — спросил Мейн. Разговор принимал для него особый интерес, если речь заходила о лошадях. — Например, с Резвым?

— Пока не знаю. Возможно, конюшни не входят в передаваемое наследство. Мой секретарь поехал туда заниматься

делами имения. Но если конюшни Брайдона все же отойдут детям, я выставлю лошадей на аукцион и положу деньги в доверительный фонд. Однажды девочкам понадобится приданое, и я здорово удивлюсь, если выяснится, что Брайдон все-таки позаботился об этом.

— Если Резвый будет выставлен на продажу, я первым встану в очередь на покупку. Готов заплатить за него многие тысячи. Нельзя и представить лучшего пополнения для моей конюшни.

— Он бы и мою конюшню украсил, — согласился Рейф.

Мейн нашел небольшую кучку чугунных лошадок и представлял их так, чтобы каждая карета была запряжена подходящей парой.

— Знаешь, а они весьма недурны. — Он успел выстроить всех чугунных лошадок и кареты в ряд на каминной полке. — Погоди, вот увидят твои подопечные этих лошадок! Они больше и не вспомнят про свою Шотландию. Жаль, что все четверо — девочки; вот был бы хоть один парень!

Рейф взглянул на графа. Мейн был одним из его ближайших друзей — и всегда им останется. Но в блестящей, благополучной жизни Мейна не было места горю. А Рейф отлично знал, каково это — чувствовать себя глубоко одиноким в этой уютной детской. Он, как заведенный, продолжал покупать все новых и новых лошадок, но это не помогало. Как будто игрушки способны облегчить душевную боль после смерти отца!

— Вряд ли ты...

За спиной Рейфа распахнулась дверь. Он замолчал и обернулся.

Бринкли с несвойственным ему проворством шагнул в сторону от двери. Не каждый день выпадает возможность огоршить хозяина сообщением, которое лишит его дара речи.

— Счастлив сообщить. Мисс Эссекс. Мисс Имоджин. Мисс Аннабел. Мисс Джозефина.

И добавил с плохо скрываемым ехидством:

— Дети прибыли, ваша светлость!

ГЛАВА 2

Первое, что отметила для себя Тереза Эссекс, — эти англичане играют в игрушки. Игрушки! Значит, правда все то, что про них говорят: тощие и глуповатые, они никогда не взрослеют и на сильном ветру дрожат от холода.

Что с них взять — мужчины, пусть и в английском варианте.

Тесс едва исполнилось шестнадцать, когда она поняла, что представления мужчин об игрушках весьма различаются. Бросив взгляд на Джози и дотронувшись до плеча Имоджин, она выстроила сестер в шеренгу. Аннабел уже заняла свое место, чуть склонив голову так, чтобы зрители могли оценить ее сияющие золотистые волосы цвета меда.

Но, кажется, эти англичане удивились их появлению больше, чем приличествовало. Они буквально разинули рты. Очень невоспитанно, право слово. Они были не совсем похожи на болезненные создания — на тонких, как спички, ногах, — которых Тереза ожидала увидеть после всего услышанного об англичанах. Один из них будто сошел со страницы модного журнала, с буйной гривой черных кудрей — должно быть, здесь такая мода. Однако он не выглядел изнеженным франтом. От франта не может исходить ощущение смутной угрозы. Второй был высок, с небольшим животом и массой спутанных темно-каштановых волос, которые падали ему на лоб. Ни дать ни взять, одинокий волк.

— Что ж, — произнесла она наконец, поскольку ни один из них не заговорил первым, — мы, разумеется, сожалеем, что пришлось вас побеспокоить, тем более что вы так весело проводите время. — Она пыталась говорить с небольшой строгостью. Но лишь настолько, чтобы дать им понять: они не просто хорошенькие девушки-шотландки, которых можно засунуть в задние комнаты и потом благополучно о них забыть. Они леди, в конце концов, и неважно, модные на них платья или нет.

Эlegantный англичанин поклонился и выступил вперед со словами:

— Какая приятная неожиданность познакомиться с вами, мисс Эссекс. С вами всеми.

Его голос звучал несколько напряженно, будто он с трудом сдерживал себя, чтобы не расхохотаться. Но он поцеловал ей руку с ловкостью опытного придворного.

Наконец тот, который был повыше ростом, одинокий волк, встряхнулся, как только что выбравшаяся из лужи собака, и также подошел к ней.

— Простите мою неучтивость, — сказал он. — Я Рейф Джорден, герцог Холбрук. Боюсь, я заблуждался насчет вашего возраста.

— Нашего возраста? — Брови Тесс слегка поползли вверх в знак деликатного изумления. Потом, мало-помалу, она догадалась о значении кричащих стен детской и расставленных кругом игрушек. — Вы думали, мы малые дети?

Встав прямо перед ней, он кивнул и снова поклонился, непринужденно, как человек, который всю жизнь вращался в высшем обществе, хотя — очевидно — не потрудился даже расчесать волосы.

— Примите мои самые искренние извинения. Я пребывал в ошибочной уверенности, что вы и ваши сестры очень юные.

— Юные! — воскликнула Тесс. — Вы, должно быть, думали, что мы младенцы в колыбелях! — Теперь-то она заметила и присутствие няни, и четырех глазающих девушек-горничных в белых фартуках, и игрушечных лошадок, и кукол. — Разве отец вам не говорил?

Она прикусила язык. Разумеется, отец ему ничего не говорил. Отец, скорее, мог бы сообщить ему возраст Скворца и особенность шага у Резвого, и чем надо покормить Леди Радость перед скачками — но только не возраст своих дочерей!

Опекун взял ее руку. Теперь, когда он улыбался ей, глядя на нее сверху вниз, она почувствовала, как вопреки обиде на сердце у нее вдруг потеплело.

— Вот я глупец! Забыл спросить вашего отца. Но, разумеется, я даже и вообразить не мог, что от меня потребуется

опекунство. Примите мои глубочайшие соболезнования относительно вашей утраты, мисс Эссекс!

Тесс захлопала ресницами. У него были удивительного цвета глаза, серо-голубые. И добрые, хотя он выглядел, точно дикарь с острова Борнео. В ее душе мелькнул проблеск надежды пополам со смутным ощущением, что надо быть начеку.

— Разумеется, — сказала она. — Позвольте, я представлю сестер? Это Имоджин, — продолжила она, поворачиваясь к сестре. — Ей только что исполнилось двадцать. — Бывали минуты, когда ей казалось, что Имоджин красивее Аннабел (а это действительно о чем-то да говорило). У Имоджин были гладкие черные волосы их матери и ее смеющиеся глаза, и только Имоджин могла похвастаться удивительным изгибом губ. Иногда эти губы сражали мужчин наповал, как удар в живот. Тесс было забавно наблюдать, как растерянно захлопал глазами герцог — но быстро оправился.

Разумеется, Имоджин не обращала внимания на то, какой эффект производит на мужчин, потому что была влюблена. Тем не менее она улыбнулась герцогу и присела в изящном реверансе. Когда у отца вдруг появлялись деньги, он обычно вспоминал, что надо бы нанять гувернантку, хотя бы на время, чтобы дочери в нужный момент могли изобразить светские манеры.

— Это Аннабел, — сказала Тесс, положив руку на плечо сестры. — Она старшая из нас, после меня: ей двадцать два.

Если Имоджин не обращала на мужчин внимания, то Аннабел научилась кружить головы, едва спустившись с рук нянюшки. Сейчас она одарила герцога улыбкой своих розовых губ, и в улыбке этой была совершеннейшая невинность — но и кое-что еще; она умело придала голосу тон непритворной признательности. Ее простые слова были, словно мед с капелькой лимона.

Ни малейшего признака того, что у герцога задрожали колени.

— Мисс Аннабел, — сказал он, поднося к губам ее руку. — Счастлив познакомиться с вами.

— И Джозефина, — продолжала Тесс. — Джози пятнадцать, она еще школьница.

Тесс отметила, что герцог уже улыбался Джози, что свидетельствовало о его хороших манерах. Она терпеть не могла, когда мужчины вели себя так, будто зачарованы Аннабел, а Джози достаивали лишь мимолетного взгляда.

— Не хочу, чтобы вы целовали мне руку, — быстро сказала Джози.

— Разрешите представить вам моего друга, — сказал герцог, будто не слыша замечания Джози, но не делая, однако, попыток поцеловать ей руку. — Гаррет Лангем, граф Мейн.

Аннабел одарила Мейна ослепительной благодарной улыбкой, как будто она была девочкой лет четырех, которой преподнесли кусок именинного торта. На вкус Аннабел лучшего и не пожелаешь: мужчина с руками и ногами, да еще и титулом.

Мейн улыбнулся в ответ с равным восхищением. Однако, подумала Тесс, вряд ли его восхищение относится и к предкам Аннабел.

Джентльмены завершили свои приветствия, и герцог повернулся к Тесс.

— Мисс Эссекс, поскольку ни одной из вас не интересно все это, — он взмахнул рукой, — все эти игрушки, то не пройти ли нам в гостиную? Боюсь, моей экономке нужно будет некоторое время, чтобы приготовить для вас спальни. Полагаю, ей могли бы помочь ваши горничные.

Тесс почувствовала, что краснеет до самых ключиц.

— Мы не привезли с собой горничных.

— В таком случае, — не моргнув глазом, продолжал опекун, — мы можем нанять на работу вот этих четырех молодых женщин, если вы не возражаете. — Он указал на четверых горничных, которые по-прежнему стояли вдоль стены, глядя на происходящее огромными, точно медные пятаки, глазами. — Уверен, что экономка быстро обучит их премудростям новых обязанностей.

— И тебе нужна компаньонка, — вставил Мейн, бросив на герцога косой взгляд. — Тебе ведь не в детской командовать. И сегодня же к вечеру, Рейф.

Эта мысль явно застала герцога врасплох.

— Проклятье! Мне придется написать леди Клэрис, — воскликнул он, запуская руку в гриву своих всклокоченных волос, — и просить ее нанести мне визит. То есть, если она согласится после того, что было в прошлый раз: кажется, я был с ней несколько груб.

— Ты выпил лишнего, не так ли? — спросил Мейн.

Герцог скорчил кислую гримасу.

— Я ее выгнал, и надеюсь, хотя бы без рукоприкладства. Честно говоря, не помню. — До него вдруг дошло, что Тесс и ее сестры смотрят на него во все глаза, и одарил их улыбкой, в которой не было ни капли сожаления. — Теперь мои подопечные будут думать, что я пьяница.

— Узнать тебя — значит полюбить, — заметил граф с саркастической улыбкой. — Дорогая мисс Эссекс, если с вечера ваш опекун не опрокинет в себя бокал бренди, то с утра в аду расцветут розы.

— Земли леди Клэрис граничат с моими, — сказал Холбрук, пропуская замечание приятеля мимо ушей. — Надеюсь, если я пошлю ей милое письмецо, то она меня простит, поскольку мы в безвыходном положении. Без компаньонки вы, девочки, не сможете провести ночь под моей крышей.

Но утихомирить Мейна было не так-то легко.

— Леди вдовее и положила глаз на вашего опекуна, — сообщил он девушкам. — Я точно знаю: она надеется, что в один прекрасный день он захмелеет настолько, что и не заметит, как она всем объявит о помолвке. Ее беда в том, что Рейф не пьянеет.

— Чепуха, — проворчал герцог, приглаживая волосы, отчего у него сделался еще более безумный вид.

— И ее не волнует, что она бежит за Рейфом уже десять лет кряду, — безмятежно продолжал Мейн. — Леди Клэрис — неунывающая душа, притом, что ее собственный сын почти ровесник Рейфа.

— Мейтленд намного младше меня, — отозвался герцог довольно сухо.

— Ему двадцать, — сказал Мейн, — вот и выходит, что леди Клэрис старше тебя, по меньшей мере, лет на пять.

Тесс скорее почувствовала, чем услышала тихий взволнованный стон ровно в тот же миг, как ее собственное сердце ушло в пятки. Они с сестрами так надеялись отвлечь Имоджин от ее безнадежного увлечения лордом Мейтлендом. А тут выяснилось, что парень живет по соседству. Не очень удачное начало.

— Вы случайно не о Дрейвене Мейтленде, ваша светлость? — спросила она, заметив умоляющий взгляд Имоджин.

— Так вы знакомы с Мейтлендом, не так ли? — Тесс показалось, что по оценке ее опекуна Мейтленд стоит не выше, чем по ее собственной. — Вероятно, он будет сопровождать мать. Тогда я приглашу их обоих к ужину. Наверное, вам и вашим сестрам захочется немного отдохнуть перед вечерней трапезой?

— Это было бы очень хорошо, — ответила Тесс. Имоджин улыбалась во весь рот, как дурочка. Тесс заметила, что герцог тоже обратил на это внимание. Но он ничего не сказал.

— Розовые покои отлично подойдут, пока не приготовят ваши комнаты. — Холбрук протянул руку, и Тесс приняла ее несколько неуверенно.

Не такого она ожидала от этих англичан! Они были потрясающими. Но разве англичанам полагалось быть потрясающими? Раньше она слышала, будто английские джентльмены — создания худосочные, подверженные насморку и то и дело чихают. Разумеется, бывали исключения. Например, лорд Мейтленд был человеком достаточно крепким.

И новоявленный опекун также оказался скроенным не по шаблону. И никаких герцогских замашек. Не разряжен в бархат и атлас. Напротив, штаны на нем были такие старые, что она заметила боковые швы, особенно там, где одежда плотно облегала живот. Белая рубашка без единого лоскутка атласа. А рукава были вообще закатаны до локтя, как будто он собирался работать в конюшне.

И тон голоса не был аристократическим, а очень даже приятным, разве что говорил он хрипло и отрывисто. Вокруг глаз собрались морщинки, хотя ему никак не могло быть больше тридцати пяти. Рассеянным — вот каким он ей пока-

зался. И точно не дамским угодником: таких Тесс чувствовала за версту. И глаза его не загорелись при виде их женских прелестей, хоть и осмотрел он их всех с большим интересом.

В общем, в нем не было ничего пугающего, даже несмотря на его всклокоченные волосы, отстраненное лицо и поношенную одежду.

Тесс почувствовала, как тяжелый ледяной ком в ее груди начал таять. Хотя бы чуть-чуть.

Вряд ли стоит бояться человека, который нанял четырех нянек для четырех маленьких девочек и любит опрокинуть бокал бренди.

Тесс скосила глаза на ветхую ткань рукава его рубашки и сказала:

— Ваша светлость, я хочу поблагодарить вас за то, что вы приняли на себя бремя нашего опекунства. — В горле встал ком, но она должна была это сказать. — Мой отец был человеком бесцеремонным, и иногда он несколько злоупотреблял дружбой.

Рейф, казалось, искренне удивился.

— Не берите в голову, моя дорогая.

— Но я серьезно, — настаивала Тесс. — Я...

— И я тоже, — сказал герцог. — Мисс Эссекс, мое имя наверняка записано еще по крайней мере в двадцати завещаниях. Я ведь герцог, в конце концов, и я никогда не видел причин уклоняться от подобных просьб.

— О-о-о, — протянула Тесс, пораженная до глубины души. Похоже, отец был не единственным, кто злоупотребил мимолетным знакомством с Холбруком.

Он похлопал ее по руке — ни дать ни взять пожилой дядюшка.

— Бояться нечего, мисс Эссекс. Уверен, что мы вполне сможем уладить дело с опекунством, чтобы всем было удобно. Совершенно не трудно найти гувернантку для юной Джози. А вот над тем, где раздобыть компаньонку, с которой мы сможем ужиться, придется поразмыслить. Однако беспокоиться не о чем.

Для Тесс тревога была ее единственным состоянием последние несколько месяцев, и большую часть этого времени

она только и занималась тем, что спорила с сестрами. Кем окажется их опекун — добрым и разумным человеком или наполовину выжившим из ума любителем лошадей? И на каждый заданный взволнованным голосом вопрос Тесс твердо отвечала:

— Уверена, что он окажется достойным уважения джентльменом. В конце концов, отец выбрал его, тщательно все обдумав.

И одному богу было известно, что это неправда. Отец, оказавшись на смертном одре, вдруг схватил ее за руку и сказал:

— Не бойся, Тесс. У меня есть на примете именно тот человек, который сумеет присмотреть за вами всеми. Я написал ему сразу после того, как старина Монктон умер в прошлом году. Я познакомился с Холбруком уже много лет назад.

— Почему же он ни разу не приезжал с визитом, отец?

— Я больше его не видел, — ответил он, и лицо его на подушке стало таким мертвенно-бледным, что страх стеснил ее сердце. — Не беспокойся, девочка. Время от времени я встречал в «Спортивном журнале» упоминания его имени. Он отлично позаботится и о Резвом, и о Колокольчике, и об остальных. Он сам так сказал. Написал мне об этом в письме. И я отправил ему Скворца, чтобы скрепить сделку.

— Не сомневаюсь, — сказала тогда Тесс, ласково пожимая беспомощную руку отца, который, казалось, забылся сном. Итак, этот герцог отлично позаботится об обожаемых отцовских лошадях, но что насчет его дочерей?

Он вдруг открыл глаза.

— Тесс, тебе будет хорошо у Холбрука. Но позаботься о сестрах, договорились?

Она поспешно схватила его руку, пытаясь сдержать рыдания, которые уже рвались из горла.

— Я как будто смотрю на тебя сквозь метель, — сказал он, и голос его упал до шепота.

— О, отец, — прошептала она. — Я очень тебя люблю!

Он покачал головой, явно собираясь с силами.

— Кажется, я скоро увижу вашу мать. — На его лице выступила тень улыбки. Отец отлично умел видеть хорошее